

УДК 321.022

Хабаров И. А.

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация*

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА: ОТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ И ОСВОЕНИЮ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление механизмов формирования города как политико-административной единицы посредством рассмотрения практик заинтересованной коммуникации, а также политического прочтения и освоения городского пространства и его ресурсов.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов к оценке формирования муниципального пространства в контексте политической самоорганизации локальных сообществ (функциональный, кроссфункциональный аспекты) и организации среды их жизнедеятельности.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности организации пространств современных городов, связанные с политическими практиками заинтересованной коммуникации, символического определения и фактического преобразования пространства со стороны индивидуальных и коллективных субъектов сообществ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования представляют авторский вклад в развитие теории самоорганизации сообществ и политической урбанистики, могут быть использованы при проведении муниципальных и региональных политических кампаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город, формирование пространства, освоение пространства, сообщество, символические ресурсы

СТРУКТУРА

Введение

Согласование и конкуренция в диалоге частей целого

Прочтение пространства и механизмы освоения: между «Раем» и «Адом» сообщества

Преобразование городского ландшафта как результат конкуренции и соглашений

Заключение

I. Khabarov

Derzhavin Tambov State University
ul. Sovetskaya 118, Tambov 392000, Russian Federation

FORMATION OF THE CITY: FROM INTERESTED COMMUNICATION TO POLITICAL READING AND DEVELOPMENT

ABSTRACT

Aim. To identify the mechanisms of city formation as a political and administrative unit by considering the practices of interested communication, as well as political interpretation and development of urban space and its resources.

Methodology. The main content of the study is an analysis of approaches to assessing the formation of municipal space in the context of the political self-organization of local communities (functional, cross-functional aspects) and the organization of their living environment.

Results. In the course of the study, the peculiarities of the space organization of modern cities were identified, related to the political practices of interested communication, symbolic definition and actual transformation of space by individual and collective subjects of communities.

Research implications. The results of the research represent the author's contribution to the development of the theory of community self-organization and political urbanism, they can be used in municipal and regional political campaigns.

KEYWORDS

city, formation of space, development of space, community, symbolic resources

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы политической муниципальной самоорганизации, формирующей и преобразующей материальное и нематериальное пространства, имеют ключевое значение для понимания особенностей современных политических процессов на уровне городов, практик применения универсальных моделей политического поведения и участия, равно как и проблем реализации подлинных демократических процедур в современных сообществах. Данные процессы сегодня происходят в условиях крайней международной напряжённости, острой полемики относительно перспектив универсальных западных концептов организации политического пространства.

Особенно важны эти вопросы в контексте научной проработки философии города (городского округа, муниципалитета иного типа) на современном этапе муниципальной реформы, в условиях переформатирования регионального и субрегионального уровней публичного управления как единой системы. Разграничение политических, административных, экономических, культурных пространств городских округов приобретает особое значение

сегодня, когда процессы глобализации и противодействия ей набирают обороты, ресурсные потоки (включая информационные) преодолевают административные пределы как муниципальных образований и регионов, так и национальных государств.

В этой связи в контексте исследования современных городских пространств и сообществ интерес представляют теоретические и методологические подходы М. Кастельса [12] и Дж. Стиглера [31]. Многомерный характер политического городского пространства предполагает анализ символического потенциала сообществ, а также различных функциональных полей в их взаимосвязи, что, безусловно, предполагает обращение к научному наследию П. Бурдьё [4; 5]. Символическому пространству также справедливо отводится особая роль в процессах организации локальных пространств и сообществ отечественными исследователями К. В. Архангельской [2], О. А. Кардамоновым [11], К. Н. Невоструевой [19]. Вместе с этим важнейший экономический сюжет в формировании политических сред городов помогут исследовать работы, в частности, А. Лефевра [14], И. В. Журбиной [10]. Выявление политического характера процесса организации жизнедеятельности самых различных функциональных сфер в качестве важнейшего аспекта организации городских пространств стимулирует обращение к работам С. Льюкса [16], Дж. Ницана и Ш. Бишлера [26], Дж. Кингдона [28].

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности формирования политико-административной единицы современного города посредством рассмотрения практик самоорганизации: заинтересованной коммуникации, политического прочтения и освоения пространства. Исходя из этого, представляется необходимым решить задачи изучения процесса согласования интересов и конкуренции как основы самоорганизации, рассмотрения символических механизмов прочтения и схематизации пространства, оценки практик преобразования городского ландшафта по результатам взаимодействия субъектов сообщества.

СОГЛАСОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ В ДИАЛОГЕ ЧАСТЕЙ ЦЕЛОГО

Сборка городских пространств и полей жизнедеятельности сообществ в *вертикальном* измерении носит характер прямого производительного совместного действия, порой, как в случае с туристической сферой (волонтерское участие, краудсорсинг, блогерство, краучсёрфинг), – существенно корректирующего территориальный ландшафт и инфраструктуру муниципалитета. *Горизонтальное* объединение ресурсов и интересов, производственных мощностей реального сектора экономики с выходом из узких профессиональных на политический и административный уровни, со своей стороны, формирует генеральный вектор развития физического пространства муниципалитетов и активной жизнедеятельности сообществ.

Результаты исследований свидетельствуют об актуальности механизмов совместного действия для самого широкого круга областей организованного муниципального со-бытия: от производства общественных благ посредством структур территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) до развития гостиничной инфраструктуры, системы школьного образования и пр. Особое значение в постсоветских реалиях имеют символические резервы бизнеса, проекты которого даже в большей степени, чем институты гражданского общества и местные советы депутатов, отражают интересы и установки сообществ [6].

Возникающие в этой части конфликтные ситуации имеют *измерение публично-столкновения интересов* (в первую очередь – элит), в том числе – массовых протестов; при этом может иметь место фактическое ущемление интересов граждан конкретной территории. Данные сюжеты зачастую рассматриваются в качестве актуальных практик городских сообществ XXI в. [7].

В этот процесс вовлекаются иные функциональные акторы и политические субъекты (включая конкурирующие фирмы, представителей публичной власти, экспертное сообщество, СМИ), а также структуры субтерриториальной организации (ТОСы, общественные префектуры, традиционные уличкомы и домкомы – сообщества, в наименьшей степени рискующие быть отнесёнными к «воображаемому» сообществам Б. Андерсона [1, с. 28]). В этой связи искусственной операцией было бы разведение – помимо методологических соображений – «географии», «территории», «места» с жизненным пространством сообщества, локацией ресурсов (муниципального, городского уровня и транзитных), формирования и взаимодействия интересов, следования информационных и иных потоков М. Кастельса [12]. Как показывает анализ профильных исследований, территория оказывает существенное влияние на содержание, направленность и эффективность самоорганизации в местах проживания сообществ [3]. Различные подходы к определению популярного понятия «городская среда» учитывают созданные человеком сооружения и природные компоненты, подчиняющиеся, в том числе, общественно-социальным закономерностям и оказывающие влияние на образ жизни сообществ [8].

Следствием креативных процессов сообщества являются не только материализовавшееся пространство домов и дорог, кафе и торговых центров, но и публичные события – «афиши и календари». Линейка публичных общественно значимых мероприятий, формирование брендированного «лица города», его дыхания, оказывается неразрывно связанной со стратегиями развития (роста), привлечением инвестиционных транзитных ресурсных потоков, полагаем, во взаимосвязи с позиционированием внутри административного потока («вертикаль») единой системы организации публичного управления. В актуальных условиях несложно заметить публичную инструментальность, присущую таким мероприятиям, оценить возможности

социальной, культурной мобилизации, гражданской и инвестиционной активизации.

Неслучайно в этой связи, на примере «мегамероприятий» (развлекательных спортивных, культурных, коммерческих и пр. – как череды импульсов развития / формирования городских пространств), сфера культуры также рассматривается в качестве резерва мобилизационных ресурсов – актива, используемого в процессе конструирования города в экономических и политических интересах [22]. Пример публичных мероприятий – иллюстрация открытого массового вовлечения граждан в политическое пространство, пусть и по каналам одной из профессиональных сфер, предположим – спортивной, ресурсы которой трансформируются и конвертируются в экономические, политические и административные.

Публичное политическое, культурное и иное пространство становится пространством легитимизированного для публики (граждан, жителей) горизонтального (в том числе, с учётом асимметрии объёмов и типов ресурсов; местных и транзитных) объединения ресурсов и позиций в векторе развития города / муниципалитета, иными словами – в логике реализации интересов ресурс-обеспеченных акторов. Один из современных примеров такого вовлечения демонстрируют умные города посредством социотехнических решений [18].

Внутренние процессы, таким образом, объективно самоорганизуются в единое динамичное муниципальное городское пространство в условиях транзитных ресурсов и интересов. В той же мере, сколь непродуктивно рассматривать отдельную функциональную сферу без учёта контекста и сети коммуникаций муниципалитета как такового, и последний следует оценивать как особое (наиболее приближённое к населению, по популярному выражению – «находящееся не на Луне») административно-хозяйственное, политические, культурное поле в перекрестье разнонаправленных транзитов.

Феномен города (муниципалитета) создают процессы и практики людей (важно: отражающие не только материальные потребности), пусть и протекающие в определённое время и в конкретном месте, однако без которых данное место – «город» – сам по себе не представляет значения; а точнее: данное место – всего лишь «место», но не «город» (или муниципалитет иного типа) и не сущностная локация (пространственный фронт) сообщества. Субъекты сообщества посредством активности трансформируют окружающую среду, в категориях А. Лефевра, превращают деревню в пространство сельскохозяйственных угодий, город – в арену производства и обменов, создают систему отношений [8]. Права на город предоставляются через право участия и присвоения, следуют из способности создавать неопосредованные публичные пространства, катализатор «котла городской жизни» – что в последние годы подробно рассмотрено на отечественных городских кейсах [20].

Активные субъекты сообщества в классической модели взаимодействия интересов дают старт самоорганизации при решении проблем повестки развития городского локалитета – от обустройства общественных уборных и организации предоставления услуг ЖКХ до оформления права собственности на землю¹. Актуальные проблемы муниципалитета, собственно наполнение его материей (проектирование физического пространства), осуществляются в динамике согласования интересов и, по убеждению Д. Харви, – как результат столкновения последних в пространстве социально-экономических отношений [24]. Говоря о примерах современности, исследователи подчёркивают важность механизмов самоорганизации при формировании городских агломераций, наиболее успешные из которых не могут создаваться исключительно волей государственных органов [9].

При этом *процессы, протекающие в различных сферах жизни сообщества, необходимо рассматривать в комплексе и взаимовлиянии* так же, как их участники не могут, даже выполняя базовые функциональные профессиональные обязанности, существовать в социальном вакууме, быть исключительно потребителями, избирателями, прихожанами, пациентами или, скажем, бизнесменами, депутатами и меценатами. Среди прочего отмечается ограниченность оценки города исключительно посредством оптики экономического подхода [15], но фактически следует вести речь о расширении веера иных, в том числе, – нематериальных ресурсов.

Важно, что Д. Харви, ссылаясь на подходы Г. В. Лейбница, предлагает оценить пространство как содержащееся в объектах: объект может считаться существующим только тогда, когда он несёт в себе соотношение с другими объектами. Сам ответ на вопрос научной концептуализации пространства содержится в человеческих практиках в отношении последнего [23]. *Пространство локалитета, таким образом, является продуктом активности заинтересованных административных и политических акторов, деятельность которых, в свою очередь, привязана к конкретным ресурсным развязкам («карте ресурсов»), административным контурам, социальным практикам и символам.*

С одной стороны, пространство является *полем реализации и согласования интересов* (освоения ресурсов), с другой – *индивидуальной перспективой развития* конкретного актора или группы (индивидуальный оперативный простор развития). Наиболее комфортный, стабильный и системный режим (оперативный простор индивидуального и коллективного освоения) с установленными горизонтом и коммуникациями достигается в формате городского политико-административного режима.

¹ Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 126–127.

ПРОЧТЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ: МЕЖДУ «РАЕМ» И «АДОМ» СООБЩЕСТВА

Исследования последних лет свидетельствуют, что актуальные процессы производства включают интеллект, эмоции и чувства вовлекаемых акторов (от заинтересованного вовлечения до позиции «Просто жить!») [10], иными словами – в процессах сообщества активно циркулируют и конвертируются культурный, символический ресурсы. Комплексное пространство городских символов, будучи пространством трактовок, концептов на основе формирования субъективного знания о реальности, составляют дороги, районы, кварталы, ориентиры (визуальные проявления городского строительства), равно как и цвета, звуки, запахи, а также мечты, воспоминания, ассоциации и устремления.

В свою очередь, П. Хили отмечает, что представления о городе включают не только физическую форму и организационный порядок, но и культуру, социальные отношения и экономическую динамику. Будучи воображаемыми, при переносе в публичную сферу концепции города приобретают потенциал действия и трансформации пространства. А мобилизованное действие за «воображаемый город» имеет серьёзный политический потенциал [27] («прочтение города» как предмет конкуренции). Это сказывается как на организации пространства внутри муниципалитета (города, населённого пункта), так и на образе и специализации самого муниципалитета, его месте в региональной (а порой и национальной) хозяйственной и культурной композиции. Брендирование административно-хозяйственных пространств для местных элит обеспечивает закрепление в локации ресурсных потоков, преимущественно – экономического (инвестиционные проекты) и административного (управленческая вертикаль). В целом, как справедливо отмечают Е. В. Малая и К. Е. Вавулин, символика города представляет собой сложный и многогранный аспект городской жизни и является основой его привлекательности [17].

В современных отечественных исследованиях политологов, филологов, социологов город (сложная культурно-коммуникативная среда, «супертекст») является предметом анализа как исторически изменчивая система знаков, организованных по культурно-функциональным принципам и организующих социальные практики горожан сложной культурно-коммуникативной среды [21]. Согласно представлениям ряда молодых учёных, город и его отдельные пространства считаются и захватываются акторами самого различного порядка и ресурсных потенциалов, возрастных групп и субкультур. С этим связан концепт культурных сцен в отношении измерения пространства, структурируемого сетями субъектов, своей деятельностью стимулирующих генерирование общего знания, смыслов и практик [13].

«Прочтение», проектирование, структурирование (и право классификации, согласно П. Бурдьё [5, с. 14–49]) де-факто – есть *создание муниципальной*

ного пространства, которое предполагает, таким образом, читателей различного уровня (статуса) и авторов редакций городских проектов; с другой стороны, для последних «прочтение» представляет собой механику «освоения». При этом необходимы легитимные (доминирующие) «правила чтения», как отмечает О. А. Кармадонов, – общепринятые в сообществе «ментальные линзы» (посредством которых происходит социализация, вступление в социальный мир), работа с «категориями очевидности», символами как единицами смыслового континуума, проводимая ограниченной когортой представителей сообщества, а также наличие действенной фантазии [11], покоряющей (очаровывающей) своим прочтением.

Прочтение предоставляет готовому к активности субъекту сообщества возможность определить своё положение, далее – наметить направление движения (развития), вектор приложения усилий и талантов, опцию постижения реальности, иными словами – её *освоения*. Именно это обеспечивает динамику сообщества (формирует сообщество носителей динамики), социальное действие и взаимодействие (взаимоприспособление).

Среди вестников освоения, сущностных архитекторов пространства, осуществляющих своей деятельностью динамику сообщества, принципиальную роль в символическом пространстве и его прочтении играют «оперативные распорядители» смыслов и образов, элита которых входит в клуб политических элит, – представители экспертного сообщества научного кластера (включая вузы), СМИ, общественных организаций, религиозных организаций, а порой – государственных / муниципальных структур (носители инсайдерской информации).

Дж. Кингдон упоминает аналитиков и экспертов как значимых участников ассоциаций вместе с экономическими субъектами, отводя им роль презентантов групповых интересов в публичном пространстве [28]. Вместе с тем – и это отмечают отечественные исследователи наследия П. Бурдьё, Р. Барта и М. Фуко [2] – символическая власть представляет собой новый тип власти, генерирующий реальность (пространство) и не ограниченный каналами, площадками традиционных институтов (публичной) политики; это власть, которой обладают носители любого легитимного вида капитала. Информация в современном мире, по меткому выражению Дж. Стиглера, «противостоит пронизывающим ветрам невежества», требуя системных инвестиций с учётом того, что данный продукт является скоропортящимся [31] и распространение информации среди политических акторов имеет ассиметричный характер.

«Поиск» как рыночное понятие, реализуемое самими различными акторами сообщества в отношении информационных потоков, делает позиции экспертов, журналистов и аналитиков в определённой степени эксклюзивными. Вместе с тем П. Бурдьё, характеризуя объективную вовлечённость носителей культурного капитала в межфункциональные взаимодействия

(встречные услуги, воспроизводство устоявшегося символического порядка), убедительно обосновывает сложность для них равной конкурентной борьбы с распорядителями иных влиятельных капиталов (в первую очередь – экономического) [4, с. 371–406]. С другой стороны, проведенный французским исследователем анализ свидетельствует об инструментальной актуальности внутренней борьбы глашатаев символического пространства по оси «инкубент / челленджер». Эта внутривидовая (например, СМИ, вузы, конфессиональная среда) динамика способствует активному включению держателей символического капитала в единое политическое пространство и динамику сообщества, стимулирует активную работу на рынке образов и символов.

Активность такого плана начинается на самом низовом уровне: гражданское сознание, практики поведения от участия в практиках местного самоуправления до посещения супермаркета формируется в учебных заведениях, что позволяет исследователям наделять педагогов существенными резервами политического капитала [30], буквально – тех, кто учит «читать» практики, ритуалы, пространство (конструируемую и представленную реальность).

Те же практики повседневного влияния справедливо отнести к деятельности журналистов ежедневных новостей, представителей сферы искусства и пр. Наиболее влиятельны здесь референтные для широких слоёв населения лица, элита соответствующих профессиональных сфер и областей медийной и культурной, спортивной жизни. Их опыт крайне востребован в маркетинговых кампаниях, экономической и политической динамике и имеет оперативное (конкретный товар и «победитель в игре») и стратегическое (модель поведения, «правила игры») измерения. Неслучайно наивысшим признаком власти – эту мысль Ю. Эльстера мы находим у С. Льюкса, – является возможность управлять желаниями и потребностями, осуществлять контроль над полётом мысли [16, с. 193], а также заручиться согласием относительно базовых принципов существования.

Последнее на практике также имеет устойчивые коннотации с рыночным понятием кредита (ссуды, задатка), требующего вложений, не являющихся невозвратными потерями и имеющих характер длинной (системной, политической) инвестиции. Важны реализуемые *потенции акторов символического капитала по формированию конкретных предпочтений и «предпочтений системы выбора предпочтений»* – реальности, пространства, Вселенной.

«Worldmaking», «квазимагическая» власть – так П. Бурдьё характеризовал сущность символической власти [5, с. 83–95], нацеленной, безусловно, на вовлечение в конструируемую реальность, или «реальное пространство» («пространство, которое есть», в том числе, в силу данного фактического вовлечения). Дж. Ницан и Ш. Бишлер, обращаясь к исторической перспективе,

именуют носителей символической власти распорядителями «ключей от Рая и Ада». Полагаем, в дальнейшем усиление механистических взаимодействий и согласований как «незримой силы горизонтального действия», нивелирующей, по мнению исследователей, потребность в «гипотезе Бога» [26, р. 34–39], в не меньшей степени отражает роль «ключников» в конструировании сообщества: диаметральные координаты «Рая» и «Ада» (не без влияния протестантской оптики) сохраняются как стандарты социального и асоциально-го поведения, человеческого и нечеловеческого бытия, гражданственности и маргинальности, сущностной легитимности и нелегитимности (outlaw).

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРЕНЦИИ И СОГЛАШЕНИЙ

В вертикальном измерении вовлечение обеспечивает деятельное принятие реальности, диспозиции «элиты – массы» и «асимметричного партнёрства», в горизонтальном – отражает способность актора к ассоциации, консолидации ресурсов и интересов, относительно «симметричному партнёрству». Иными словами, позволяет актуализировать ценности и практики мягкой, заинтересованной мобилизации-вовлечения, собственно, – в большей степени не административно мобилизовать, а заинтересовать. Позиционирование в символическом пространстве является важнейшим условием активности в общественно-политической жизни, участия в коммуникации.

Образ городской муниципальной локации – условие политического дискурса как динамики сообщества и предмет конкуренции интересов от улицы до региона, т. е. вне условных территориальных «городских стен». Очевидно, что сторонами этого дискурса выступают носители значимых интересов во всём разнообразии их интенсивности, уровня и направленности, а не органы местного самоуправления в единственном институциональном лице.

Символический ресурс требует выражения и приобретает материальное (и территориальное) измерение посредством активной деятельности его носителей – проектировщиков социального пространства («агентов перемен», «креативного класса» и пр.) и создателей образов с использованием материалов прошлого и будущего, иных городов и стран.

Интерес административных структур реализуется и усиливается в практической плоскости в тесном переплетении с интересами иных акторов, обладающих для этого существенными ресурсными резервуарами (элитами и контрэлитами различных функциональных полей). Локомотив местного туризма, запускаемый административными элитами и девелоперами, следует по проложенным в локальном территориальном пространстве рельсам в соответствии с координатами интересов различных сфер. Его следование способствует освоению и преобразению прилегающей территории, собственно, её созданию в динамике социального диалога.

По результатам самоорганизации с использованием символического инструментария также формируются иные территориальные сегменты муниципалитета, в том числе, – освоение периферии: речь идёт о массовой застройке с соответствующими коммерческими сетями, развлекательными заведениями, социальными учреждениями. Неактуальная с позиций рентабельности «периферия» (в данном случае – не географическое понятие) окраин и центра города (спальные анклавы и частный сектор, необустроенные зелёные зоны, не используемые производственные площади предприятий прошлого, памятники архитектуры без «охранных» мандатов) также подлежит активной рекультивации. Стимулирующими социальную динамику символами этой зоны становятся конкурирующие коммерческие и политические бренды, уходящими символами – исторические места городов и застройка предыдущих эпох, имеющая самые различные культурные коннотации (живопись, литература, театр, экологическая культура и пр.).

Импульсы освоения и переосвоения, включая символический инструментарий, должны встречать позитивный встречный поток восприятия, отражающий вовлечённость. Успешная реализация потенциала ресурсов требует не только восприятия вектора развития со стороны его носителей, но и условий реализации (среды восприятия развития). К примеру, описывая механизмы освоения и обустройства пространства мегаполисов, Д. Харви упоминает формирование соответствующего образа жизни людей, ориентированного на потребление (в том числе, как обстоятельство субурбанизации, т. е. «urban sprawl»), «расползания» городского пространства – особый запрос на загородное жильё и два автомобиля в семье, нефтепродукты, шоссе, а также ипотечное и иное кредитование) [24], – как рационального, так порой и иррационального, в обоих случаях – имеющего явные коннотации с символами успешности и социального / экономического / политического процветания.

Как и в остальных случаях, реализация проектов девелоперов (результат экономических и политических соглашений) в предложенной системе координат символического пространства принципиально преобразует физическое пространство муниципалитетов и его отдельных частей. Проекты генеральных планов физического пространства являются продуктом динамики общественных процессов и взаимодействия символов / образов / перспектив. В том числе речь идёт и о перспективе приобретения нового элитного жилья в центре, пользования услугами культовых предприятий общепита и бутиков, переселения на окраины, ипотечного кредитования. Под воздействием этих доминант *территориальное пространство современных городов расширяется по унифицированным алгоритмам открытия новых перспектив развития – личностного и городского (идентификация индивидуального / коллективного образа действия и образа города).* Отношения индивида (группы) с городом также строятся на принципах освоения и обмена.

Городское планирование как одно из наиболее явных олицетворений создания и трансформации муниципального пространства предполагает широкий круг заинтересованных акторов, профессионалов и непрофессионалов. Образуя собственную идентичность, городское планирование принимает вклады градостроителей и остаётся открытым для разнообразных сфер и дисциплин [29]. В то же время, по мнению исследователей, упрощение композиции процесса практического градостроительства в условиях усложняющейся городской жизни может иметь пагубные последствия, что стимулирует проекты взаимодействия между профессионалами и лицами, принимающими решения, а также подготовку архитекторов, градостроителей и социологов в духе «агентов перемен», равно как и теоретиков и практиков, нацеленных на изучение и преобразование естественной (природной) и созданной человеком сред [25].

Существование муниципального пространства города, в том числе как матрицы правового и институционального контуров, в современных условиях предусматривает закрепление и установление в формате миссии города (обоснование существования, корреспонденция смыслов и образов, укрепление ценностной основы единства). Эксперты обращают внимание на подгонку «под стандарт» территории освоения со стороны крупных компаний; брендами транслируется сигнал и возводятся «маяки»: в незнакомых местах (локации освоения) есть привычные инфраструктура и отношения, «стандарты обслуживания» [19].

В целом проведённые теоретические и прикладные исследования в контексте анализа стратегических перспектив развития городов как специфических муниципальных пространств с собственной миссией (обоснованностью существования) подтверждают необходимость комплексной оценки субрегиональных процессов в их единстве. Причастность к экономическим процессам освоения, производства и потребления укрепляется посредством причастности к политическим практикам и социальным условиям, культурной жизни, голосованию по проекту благоустройства и на выборах в органы публичного управления локалитета с учётом важнейшего фактора – позиционирования в символическом пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная городская муниципальная локация (территориальное, коммуникативное, символическое пространство) как политико-административное поле образуется вследствие самоорганизационных процессов сообщества, партнёрских соглашений и конкурентных столкновений, взаимодействия в формате со(вместного)действия и противодействия. Обособленность данного поля (и самостоятельность системы местного самоуправле-

ния) ограничена транзитными ресурсными потоками регионального и более высоких управленческих уровней.

В этой связи крайне важно не единство цели, а единство целей, не общность интереса, а признание приоритета интересов – легитимные политические правила, неотделимые от экономических законов и правовых норм. Речь идёт о формировании имеющего непосредственное отношение к вопросам власти и управления магнитного поля динамики сообщества в пределах муниципальной локации. Пространство приобретает зримые политические, административные, хозяйственные контуры в своих субъектах, активных единицах, состоящих во взаимных отношениях (связях, сетях, зависимостях).

Действие влечёт взаимодействие (включая содействие и противодействие), активность субъекта предопределяет самоорганизацию групп и их взаимодействие в формате локального сообщества. Механизм индивидуального освоения запускает коллективную политическую машину горизонтально-вертикальных коммуникаций, неминуемо – политических инициатив и административных установлений, раскол на правящую элиту и контрэлиту.

Предлагаемые субъектами отношений (девелоперами) проекты прочтения городских пространств как единицы конкуренции и элементы единой конкурентной рыночной системы обеспечивают символическую платформу вовлечения и исключения, общий подход к оценке материального пространства и его освоению, реализации стратегий развития городскими акторами, их группами и правящими элитами от имени города. Тем самым в пределах пространства жизнедеятельности сообщества и территории муниципалитета образуется перманентный фронт освоения и переосвоения, конкурентного конструирования, созидания и разрушения (в контексте освоения и переосвоения – созидательного разрушения и разрушительного созидания).

Действие от имени локалитета (системность которого обеспечивается формируемым элитами политико-административным режимом города) по итогам конкурентных контактов и компромиссов, в том числе актов территориального планирования, обеспечивает расчистку стратегической перспективы и оперативного простора, горизонтов освоения и пространства развития.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Архангельская К. В. Символическая власть брендов в современной социокультурной ситуации // Наука и современность. 2016. № 48. С. 25–28.
3. Байжанова Г. А. Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2020. № 3. URL: www.7universum.com (дата обращения: 07.09.2023).
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
6. Вендина О. И. Городское планирование и городская самоорганизация: трансформация пространственных ориентиров развития Москвы // Городские исследования и практики. 2023. Т. 7. № 4. С. 29–53.
7. Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2018 г. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой, М. В. Невзорова. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 116 с.
8. Горячева О. Е., Говорина О. В., Глоба С. Б. Формирование городской среды как основное условие формирования качества жизни населения // Проблемы современной экономики. 2020. № 3. С. 150–154.
9. Данилова О. В. Этапы развития агломераций и преимуществ агломерационного устройства территории населенных пунктов // Молодой ученый. 2022. № 11. С. 102–105.
10. Журбина И. В. Границы определения «политического» в структурах экономической реальности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28. № 3. С. 271–277.
11. Кармадонов О. А. Социология символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 3. С. 106–113.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Крутских П. Ю. Скейтбординг как инструмент прочтения города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 292–310.
14. Лефевр А. Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: www.magazines.gorky.media (дата обращения: 15.01.2023).
15. Лисовец И. М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: в 2 т. Т. 2 / под

- ред. Е. Бурлиной, Л. Иливицкой, Ю. Кузовенковой. Самара: Книга, 2012. С. 74–77.
16. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
 17. Малая Е. В. Символическое пространство малого города // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 2. С. 154–165.
 18. Мухаметов Д. Р. Создание устойчивых умных городов: технологии вовлечения граждан и совместного экспериментирования // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12. № 2. С. 843–858.
 19. Невоструева К. Н. Символическое пространство города: обзор идей и подходов // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2016. № 2. С. 113–121.
 20. Пястолов С. С., Тепомес Ю. А. Анализ эффективного развития физического, социального и символического пространств города в XXI веке (на примере г. Магнитогорска) // *Гипотеза*. 2022. № 3. С. 73–79.
 21. Ревякина Н. П., Курьянов Н. А. Город как текст (на материале города Ростов-на-Дону) // *Russian Linguistic Bulletin: [сайт]*. 2023. № 7. URL: www.rulb.org (дата обращения: 07.09.2023).
 22. Трубина Е. Полис и мегасобытия // *Отечественные записки*. 2012. № 3. С. 108–119.
 23. Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
 24. Харви Д. Право на город / пер. с англ. М. А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.
 25. Després C., Vachon G., Fortin A. Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning At Work // *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism, in Urban and Landscape Perspectives / ed. N. Janssens, I. Doucet*. New York: Springer, 2011. P. 33–49.
 26. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder / ed. J. Nitzan, Sh. Bichler*. Philadelphia: Routledge, 2009. 438 p.
 27. Healey P. On Creating the 'City' as a Collective Resource // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39. № 10. P. 1777–1792.
 28. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston: Longman, 2011. 273 p.
 29. Pinson D. Urban Planning: An 'Undisciplined' Discipline // *Futures*, Elsevier. 2004. № 36. P. 503–513.
 30. Schugurensky D. Citizenship learning and democratic engagement // *Political capital revisited*. Vancouver, 2000. P. 417–422.
 31. Stigler G. J. The Economics of Information // *Journal of Political Economy*. 1961. № 69. P. 213–225.

REFERENCES

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Rus. ed.: Nikolaeva V. G., transl. *Vobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma*. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2001. 286 p.).
2. Arkhangel'skaya K. V. [The symbolic power of brands in the modern socio-cultural situation]. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2016, no. 48, pp. 25–28.
3. Bayzhanova G. A. [Spatial self-organization of the population of large cities: a socio-cultural aspect]. In: *Universum: obshchestvennye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Universum: social sciences: electronic scientific journal], 2020, no. 3. Available at: www.7universum.com (accessed: 07.09.2023).
4. Bourdieu P. Espace social: champs et pratiques (Rus. ed.: Shmatko N. A., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 2005. 576 p.).
5. Bourdieu P. Sociologie de l'espace social (Rus. ed.: Shmatko N. A., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 2007. 288 p.).
6. Vendina O. I. [Urban planning and spontaneous spacial order: the post-Soviet transformation of spatial guidelines for the development of Moscow]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2023, vol. 7, no. 4, pp. 29–53.
7. Gainutdinova L. A., Nevzorov M. V., eds. *Gorod. Sreda. Politika. 2018: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 14–15 dekabrya 2018 g.* [City. Wednesday. Policy. 2018: collection of materials from the scientific and practical conference, St. Petersburg, December 14–15, 2018]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2019. 116 p.
8. Goriacheva O. E., Govorina O. V., Globa S. B. [Formation of the urban milieu as a key condition for the formation of people's quality of life (Russia, Krasnoyarsk)]. In: *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2020, no. 3, pp. 150–154.
9. Danilova O. V. [Stages of development of agglomerations and advantages of agglomeration structure of the territory of settlements]. In: *Molodai uchenyi* [Young scientist], 2022, no. 11, pp. 102–105.
10. Zhurbina I. V. [Boundaries of the definition of "political" in the economic reality structures]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2018, vol. 28, no. 3, pp. 271–277.
11. Karmadonov O. A. [Sociology of the symbol]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekologicheskiye i sotsialniye peremeny* [Monitoring of Public opinion: economic and social changes], 2004, no. 3, pp. 106–113.
12. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture (Rus. ed.: Shkaratan O. I., ed. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, GU VSHE Publ., 2000. 608 p.).

13. Krutskikh P. Yu. [Skateboarding as a tool for reading the city]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekologicheskiye i sotsialniye peremeny* [Monitoring of Public opinion: economic and social changes], 2019, no. 1, pp. 292–310.
14. Lefebvre H. [Espace social]. In: *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2010, no. 2. Available at: www.magazines.gorky.media (accessed: 15.01.2023).
15. Lisovets I. M. [Current artistic practices in the transformation of a post-socialist city]. In: Burlina E., Ilivitskaya L., Kuzovenkova Yu., eds. *Gorod i vremya. T. 2* [City and time. Vol. 2]. Samara, Kniga Publ., 2012, pp. 74–77.
16. Lukes S. Power: A Radical View (Rus. ed.: Kyrlezhev A. I., transl. *Vlast': radikal'nyi vzglyad*). Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2010. 240 p.
17. Malaya E. V. [Symbolic space of a small town]. In: *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no. 2, pp. 154–165.
18. Mukhametov D. R. [Creating sustainable smart cities: technologies for citizens' engagement and collaborative experimentation]. In: *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Russian journal of innovation economics], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 843–858.
19. Nevostueva K. N. [Symbolic space of a city: the review of ideas and approaches]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU sociology and economics bulletin], 2016, no. 2, pp. 113–121.
20. Pyastolov S. S., Tepomes Yu. A. [Analysis of the effective development of the physical, social and symbolic spaces of the city in the 21st century (on the example of the city of Magnitogorsk)]. In: *Gipoteza* [Hypothesis], 2022, no. 3, pp. 73–79.
21. Revyakina N. P., Kuryanov N. A. ["City as a text" (based on the material from Rostov-on-Don)]. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 7. Available at: www.rulb.org (accessed: 07.09.2023).
22. Trubina E. [Major-events: cities between the challenges of globalization and the interests of the population]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 3, pp. 108–119.
23. Harvey D. Social Justice and the City (Rus. ed.: Gerasimova E. Yu., transl. *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod*). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 440 p.
24. Harvey D. The Right to the City (Rus. ed.: Kotlyarova M. A., transl. *Pravo na gorod*). Ekaterinburg, 2019. 36 p.
25. Després C., Vachon G., Fortin A. Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning At Work. In: Janssens N., Doucet I., eds. *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism, in Urban and Landscape Perspectives*. New York, Springer, 2011, pp. 33–49.
26. Nitzan J., Bichler Sh., eds. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder*. Philadelphia, Routledge, 2009. 438 p.
27. Healey P. On Creating the 'City' as a Collective Resource. In: *Urban Studies*, 2002, vol. 39, no. 10, pp. 1777–1792.

28. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston, Longman, 2011. 273 p.
29. Pinson D. Urban Planning: An 'Undisciplined' Discipline. In: *Futures, Elsevier*, 2004, no. 36, pp. 503–513.
30. Schugurensky D. Citizenship learning and democratic engagement. In: *Political capital revisited*. Vancouver, 2000, pp. 417–422.
31. Stigler G. J. The Economics of Information. In: *Journal of Political Economy*, 1961, no. 69, pp. 213–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хабаров Илья Александрович – кандидат политических наук, директор Центра по связям с общественными институтами Департамента по стратегическим коммуникациям Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина; e-mail: hia68@mail.ru

Ilya A. Khabarov – Cand. Sci. (Political Sciences), Director of the Center for Relations with Public Institutions, Department for Strategic Communications, Derzhavin Tambov State University; e-mail: hia68@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хабаров И. А. Формирование города: от заинтересованной коммуникации к политическому прочтению и освоению // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Khabarov I. A. Formation of the city: from interested communication to political reading and development. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru